

Изобретение традиции

Георгиевская ленточка и другие символы в контексте исторической политики | **АЛЕКСЕЙ МИЛЛЕР**

Георгиевская ленточка, придуманная в РИА «Новости» в 2005 году, — пример политического символа, изобретение и последующее функционирование которого тесно связаны с политикой памяти. 60-летний юбилей Победы был отягощен целым рядом острых политических проблем. В 2000-е годы в самой России власти с новой силой стали акцентировать символическое значение Победы, которая оставалась практически единственным историческим мифом, вызывавшим если не общие, то, по крайней мере, сопрягаемые эмоции у большинства россиян. Подтверждение роли СССР (и России как его наследницы) в победе над нацизмом играло важную роль и в международной политике. Приглашения на празднование юбилея президент Владимир Путин отправил лидерам более чем пятидесяти стран.

В то же время мифологема Победы оказалась под ударом исторической политики в целом ряде стран — соседей России. В странах Прибалтики май 1945 года трактуется как начало новой советской оккупации. Вопрос о поездке лидеров Литвы, Латвии и Эстонии в Москву на празднование Дня Победы был предметом острой политической полемики внутри этих стран и скандалов в отношениях Вильнюса, Таллина и Риги с Москвой. В результате лишь президент Латвии Вайра Вике-Фрейберга приехала в Москву. Скандалами в самой Польше и в России сопровождалась поездка на празд-

нование Дня Победы и президента Польши Александра Квасьневского. Под благовидным предлогом отказался от поездки в Москву Виктор Ющенко, только что пришедший к власти в результате «оранжевой революции».

В этих обстоятельствах изобретение георгиевской ленточки было весьма удачным ходом. Дореволюционная Георгиевская лента, восстановленная в правах как гвардейская во время Великой Отечественной войны, до революции была принадлежностью наград за *солдатскую* доблесть — Георгиевского креста и ордена Славы. Таким образом, георгиевская ленточка стала символом, который, в отличие от прежних символов Победы (например, Красного знамени), не был жестко привязан к коммунистическому прошлому. Она «освежала» символику Дня Победы, фокусировала ее на воинской доблести, то есть самой бесспорной части военного мифа, и была приемлема для более широкого круга людей, чем традиционные символы Победы, связанные с советским временем. Неслучайно наиболее активная критика георгиевской ленточки поначалу исходила именно из коммунистических кругов.

Доподлинно неизвестно, чем именно вдохновлялись журналисты РИА «Новости» в процессе изобретения этого символа, но у него есть несомненные предшественники. Во-первых, ленты различных цветов, которые к тому времени широко использовались как удобный и неотъемлемый способ

демонстрации поддержки различным общественным и политическим кампаниям.

Другой аналог — цветки мака, которые с 1920 года прикрепляют к одежде британцы в память о погибших в Первой, а затем и во Второй мировой войне.

Маковый цветок как символ укоренился в Британии весьма прочно и практически не ставится под вопрос какими бы то ни было политическими силами. В этой связи показателен следующий недавний эпизод. Осенью 2011 года между английской федерацией футбола и ФИФА возник конфликт. Английская сборная проводила очередной товарищеский матч в ноябре, то есть именно в то время, когда англичане отмечают окончание Первой мировой войны, прикрепляя к одежде цветков мака. Футболисты хотели выйти на матч, прикрепив цветки мака на футболки. Однако ФИФА запретила это делать, сославшись на то, что правила запрещают размещение на футболках игроков любых политических символов. После весьма эмоциональных переговоров выход был найден — англичане вышли на игру с нарукавными повязками, к которым и прикрепили маки. Для нас в этой истории особый интерес представляет вмешательство в конфликт британского премьер-министра Дэвида Кэмерона, который утверждал, что цветы мака символизируют единение нации в памяти о погибших и заботе о ветеранах и не являются политическими символами. Возможно, Кэмерон полагал, что «политическое» относится исключительно к сфере межпартийной борьбы. Маковый цветок действительно предметом борьбы не является: в центральной церемонии поминовения погибших солдат, происходящей каждый год у Кенотафа, памятника павшим в Лондоне, представители всех британских партий в строгой очередности возлагают одинаковые венки сразу за венками членов королевской фамилии. Однако это не отменяет политической природы символа, что мог бы объяснить

Кэмерону любой из тех многочисленных преподавателей политологии, которые потеряли за последний год работу в результате его реформы высшего образования. Скорее участие всех политических партий в церемонии свидетельствует об успешности этого символа, чье значение пока не решаются оспорить даже сепаратистские партии Шотландии и Уэльса.

Пожалуй, ключевое отличие георгиевской ленточки от британского макового цветка состоит в том, что британцы цветки мака покупают — вырученные средства идут на финансовую поддержку домам ветеранов. В 2007 году в рамках акции по распространению цветков мака, которые можно купить за 1 фунт, было собрано около 25 млн фунтов. В России же ленточка раздается бесплатно, что специально подчеркнуто в ее кодексе. Кодекс георгиевской ленточки, составленный ее изобретателями, лукаво заявляет, что она не должна использоваться как политический символ. Однако политическая природа символа георгиевской ленточки еще более очевидна, чем маковых цветков. Уже в 2006-м из общественной акции раздача георгиевской ленточки превратилась в политическую акцию центральных и региональных властей. В бюджете Петербурга, например, на нее начиная с 2008 года выделяется ежегодно более 8 млн рублей.

С 2012 года в кампанию распространения георгиевской ленточки включился уже центральный аппарат МИД России, а еще раньше этим занимались отдельные иностранные представительства. Дело в том, что практически сразу после «изобретения» георгиевская ленточка стала использоваться как символ поддержки «русского мира» в соседних с Россией странах. Здесь, в условиях обостренной негативной реакции на коммунистические символы, «некоммунистический» характер ленточки оказался как нельзя кстати. Пророссийски настроенные

общественные движения на Украине уже несколько лет состязаются в изготовлении самой длинной или самой большой по площади георгиевской ленточки. Обладателями рекордов в разные годы были Симферополь, где в 2009 году развернули ленточку длиной 50 метров, затем Севастополь, уже с ленточкой трехсотметровой длины. В мае 2010 года лидерство перехватил Кишинёв, где была продемонстрирована георгиевская ленточка длиной в 360 метров.

Вполне закономерно, что антироссийски настроенные активисты радикально-нацио-

«Слабость» символа георгиевской ленточки — в его очевидной привязке к нынешнему российскому политическому режиму. Если режим начинает терять популярность, может пострадать и привлекательность ленточки как политического символа. Если в год создания символа его критиковали почти исключительно коммунисты, то теперь больше критики раздается из лагеря либеральной оппозиции, которая указывает на присвоение символа государством. Появился и сайт «защитников» ленточки, но не от критики, а от профанации акции самими организатора-

“Георгиевская ленточка — удачно сконструированный политический символ, притягательность которого обусловлена отсылкой к прежним историческим символам”.

налистической партии «Свобода» во Львове срывали ленточку у тех, кто участвовал в церемонии возложения венков к памятникам погибших советских солдат. В 2011 году дело дошло до физического противостояния. В Латвии латышские националисты переписьвали номера автомобилей, украшенных ленточками, «для передачи данных о пятой колонне в компетентные органы». В Эстонии, по некоторым сведениям, действовала негласная инструкция для СМИ, запрещающая упоминать акцию. Показательно, что именно в этих странах происходит частичная реабилитация символов, связанных с национальными частями, сражавшимися на стороне Рейха.

Таким образом, будучи удачно сконструированным символом, георгиевская ленточка в соседних с Россией государствах заключает в себе целый набор смыслов. Это и реакция на «исторический ревизионизм», бросающий вызов мифу Великой Отечественной войны, но при этом свободная от коммунистических обертонов, и способ продемонстрировать солидарность с Россией, и политическая идентификация в конкретном политическом ландшафте.

ми, которые, по мнению «защитников», превращают акцию в кич¹.

Весьма интересная ситуация возникла в последние месяцы, с появлением в политическом ландшафте России белой ленточки как символа протеста против фальсификации на выборах и в целом оппозиции режиму. Создатели символа, по крайней мере, косвенно вдохновлялись успехом георгиевской ленточки. В это же время лидеры государства, которые стали главной мишенью критики протестного движения, активно используют георгиевскую ленточку. И Владимир Путин, и Дмитрий Медведев носили ее на параде Победы, георгиевская ленточка была на лацкане пиджака Путина, когда он представлял Медведева в Думе в качестве будущего премьера. Пока еще не ясно, как люди, использующие белую ленточку, решат для себя вопрос о ее совместимости с георгиевской. Кто-то, вероятно, запишет георгиевскую ленточку в число «режимных» символов, и в этом случае можно говорить об отторжении символа как скомпрометированного. Но это не единственная возможная позиция. Автор сам видел на

московском бульваре девушку, у которой в одну косичку была вплетена белая ленточка, а в другую — георгиевская. Здесь речь идет о готовности оспаривать символ у власти.

Семь лет существования георгиевской ленточки это, во-первых, история удачно сконструированного политического символа, притягательность которого во многом обусловлена отсылкой к прежним историческим символам и важным «местам памяти». Во-вторых, это история постепенного утверждения георгиевской ленточки в России как некоммунистического символа Победы, а в бывших советских республиках еще и как символа русской идентичности и/или симпатии к России. С недавних пор это еще и история о том, что из-за тесной привязки к теряющему популярность политическому режиму привлекательность символа георгиевской ленточки для части общества может оказаться подорванной.

Голодомор и «свеча памяти»

Свеча как символ памяти имеет богатейшую традицию в различных странах и тесно связана с христианской символикой. Указом президента Украины Леонида Кучмы от 26 ноября 1998 года четвертая суббота ноября была провозглашена днем памяти жертв Голодомора. В 2003-м в этот день впервые была проведена акция «Зажги свечу». Она задумывалась как общенациональная акция поминовения тех, кто погиб в результате массового голода 1932–1933 годов. Участники акции приносили свечи и лампы к памятникам жертвам голода или зажигали свечи в окнах своих домов.

Вопрос об интерпретации голода 1932–1933 годов был и остается весьма чувствительной политической темой на Украине. Выкованное в среде украинской эмиграции понятие Голодомор представляло голод как геноцид украинского народа. Понятие постепенно было усвоено на Украине, однако тема геноци-

да не акцентировалась властями до 2005 года, когда президент Ющенко сделал ее одним из ключевых вопросов своей исторической политики. Он стремился добиться признания Голодомора актом геноцида на международном уровне, а внутри страны пытался законодательно закрепить эту интерпретацию как единственно возможную. В 2006-м украинский парламент силами президентских фракций принял закон о Голодоморе, который квалифицировал голод 1932–1933 годов как геноцид, и объявлял публичное отрицание этого тезиса аморальным и противоправным. Впоследствии Ющенко и депутаты его фракции неоднократно вносили в парламент законопроекты, предусматривавшие уголовную ответственность (вплоть до трехлетнего срока заключения) за отрицание Голодомора как акта геноцида. На Украине была проведена интенсивная пропагандистская кампания, в авральном порядке готовились книги памяти с именами жертв. Ющенко, а за ним и другие государственные деятели пытались утвердить необоснованный тезис о 7–10 млн жертв Голодомора, что делало бы трагедию более масштабной по численности жертв, чем Холокост.

Пик мероприятий, связанных с Голодомором, пришелся на 2008 год, когда отмечалась 75-летняя годовщина голода. Важным элементом пропагандистских усилий как в самой Украине, так и за рубежом стала «Негасимая свеча» высотой около полутора метров и весом в 200 кг, изготовленная в виде снопа колосьев из пчелиного воска, собранного в разных частях Украины. Она путешествовала по миру в рамках акции «Украина помнит — мир признаёт», призванной убедить правительства и парламенты разных стран признать Голодомор геноцидом. Свечу провезли по 33-м государствам — в память о 1933 годе, когда умерло большинство жертв голода, а затем — по всем областям Украины, причем президентская администрация инструктировала местные

власти о том, как должна проходить церемония встречи «Негасимой свечи».

22 ноября 2008 года состоялось торжественное открытие сооруженного рядом с Киево-Печерской лаврой мемориального комплекса, центральным элементом которого стала «Свеча памяти» — 32-метровая бетонная часовня, выполненная в форме белой свечи. Открытие комплекса было приурочено к проведению в Киеве международного форума по увековечению памяти жертв геноцида украинского народа 1932–1933 годов «Украина помнит — мир признаёт». Одним из первых экспонатов мемориала стала гигантская «Негасимая свеча».

В обращении Ющенко к мировому украинству и международному сообществу по случаю 75-й годовщины Голодомора 1932–1933 годов на Украине свеча выступает как центральный символ. Там, в частности, говорилось: «Обращаюсь к вам в связи с 75-й годовщиной наиболее трагического события в истории украинского народа — Голодомора 1932–1933 годов. <...> Правда о преступлении геноцида, сознательно совершенном сталинским режимом на благодатной украинской земле, десятилетиями пыталась пробить себе дорогу. <...> Только освободившись от пут коммунистического тоталитаризма, независимая Украина смогла в полный голос заявить о покушении на жизнь целого народа, совершенном в далекие 30-е годы прошлого века. <...> Глубокое уважение и признательность за гуманизм и солидарность с миллионами невинных жертв геноцида. <...> Мы не говорим о том, что мир мог бы сделать 75 лет назад, если бы знал всю правду. Мы говорим о том, что он должен сделать сегодня в знак уважения к погибшим и к тем, кому удалось выжить в аду Голодомора. 22 ноября в Киеве миллионы свечей, зажженных украинцами в память о замученных голодом соотечественниках, сольются с пламенем «Негасимой свечи», которая прошла через 33 государства мира и всю Украину, вобрав в себя огонь сердец искренних людей разных стран и народов».

Таким образом, в рамках исторической политики в период президентства Ющенко свеча была превращена в центральный символ Голодомора как специфической культурной и политической реальности², то есть стала символом символа. В результате зажжение свечи в день памяти Голодомора оказалось нагружено целым набором дополнительных политических смыслов, превратилось не просто в символ памяти о погибших во время голода, но в знак поддержки интерпретации этих событий как Голодомора-геноцида. Подобно георгиевской ленточке, усиленная эксплуатация «Свечи памяти» в государственной исторической политике наносит ущерб этической привлекательности символа.

«Смоленский крест»

В Польше на протяжении многих веков копилась богатая история использования христианского креста как политического символа. В посткоммунистической Польше первый конфликт, связанный с политическим использованием креста, произошел осенью 1997 года. Два депутата недавно победившей на выборах, но не имевшей большинства в Сейме «Избирательной акции «Солидарности»» в ночь на 20 октября 1997 года повесили над дверью зала заседаний сейма крест. Это был акт самоуправства, поскольку сам Сейм светского польского государства по этому вопросу не принимал никакого решения. Более того, депутаты «Солидарности» знали, что им не удастся сформировать большинство в поддержку этого акта. Однако их расчет оказался верным — противники присутствия религиозного символа в Сейме не решились инициировать обсуждение этого вопроса, и крест остался висеть. Только после выборов 2011 года Януш Паликот, лидер «Движения Паликота», которое сенсационно заняло третье место на выборах с откровенно антиклерикальной программой, пообещал инициировать обсуж-

дение уместности креста в Сейме и начать процесс по этому поводу в Конституционном суде. Реакция церковной иерархии не заставила себя ждать. Во время торжественных мероприятий, посвященных 33-й годовщине избрания Папой Римским поляка Кароля Войтылы, было объявлено, что католическая церковь организует путешествие креста Папы Иоанна Павла II по городам Польши в качестве ответа на пренебрежительное, по мнению Церкви, отношение некоторых политиков к ценностям и символам христианства.

“Подобно георгиевской ленточке, эксплуатация «Свечи памяти» в исторической политике Украины наносит ущерб этической привлекательности символа”.

На таком фоне в 2010–2011 годах развернулись события, в которых центральную символическую роль играл «смоленский крест». Сразу после крушения самолета президента Леха Качиньского под Смоленском 10 апреля 2010 года в рамках траурных мероприятий у президентского дворца в Варшаве был установлен большой деревянный крест, к которому скорбящие возлагали цветы и ставили свечи. Его принесли харцеры — польская молодежная организация скаутского типа. Когда траур закончился, полиция попыталась перенести крест с площади перед президентским дворцом в близлежащий костел Святой Анны, однако натолкнулась на ожесточенное сопротивление сторонников братьев Качиньских и партии «Право и справедливость». Они организовали движение «защитников креста», которое настаивало на том, чтобы он оставался перед президентским дворцом, и отказалось отдать его даже харцерам, которые принесли его на площадь. Из религиозного символа скорби «смоленский крест» превратился в политический символ.

Дело в том, что катастрофа президентского самолета произошла незадолго до

очередных выборов президента Польши. Лех Качиньский должен был в них участвовать, как и Бронислав Коморовский, председатель Сейма, который после гибели Качиньского по конституции стал исполнять обязанности президента и переехал в президентский дворец. Его главным соперником становился теперь брат-близнец Леха Качиньского Ярослав. Ярослав Качиньский и «Право и справедливость» (ПиС) постарались извлечь максимальный политический капитал из сложившейся ситуации. Отчасти

им помогала в этом иерархия польской католической церкви, потому что ПиС выступает главным защитником «религиозных основ польского общества». Так, в дебатах о кресте в зале заседаний Сейма Ярослав Качиньский говорил: «В залах заседаний всех парламентов независимой Польши, и для нас это очень важно, был крест; распятие — это наша ценность и традиция, те, кто хочет ее уничтожить, на самом деле хотят уничтожить наше общество, наш народ. Нужно этому решительно противостоять». Благодаря позиции Церкви Лех Качиньский был похоронен в замке Вавель в Кракове, среди польских королей. Сторонники Качиньских сознательно конструировали культ погибшего президента как инструмент политической борьбы.

Уже после избрания Коморовского новым президентом Польши летом 2010 года администрация президента предприняла активные усилия для переноса «смоленского креста» в костел. Объясняя свою позицию, президент Коморовский и его сторонники говорили о том, что пространство у президентского дворца должно быть нейтральным, свободным, в том числе и от религиозных

символов. Вместо креста администрация предлагала установить мемориальную доску на стене президентского дворца.

Однако в 2011 году Польше предстояли парламентские выборы. В этом контексте «защита смоленского креста» как символа присутствия «настоящего президента» во дворце, занятом теперь Коморовским, становилась важной задачей. «Защитники креста» отвергли идею мемориальной доски и требовали полноценного памятника перед дворцом. 10 сентября 2010 года Ярослав Качиньский участвовал в митинге у президентского дворца и обещал подать в суд на власти города за то, что те установили заграждения и не пускали граждан к кресту. «Защитников креста» поддерживала значительная часть епископата, в том числе архиепископы Гданьска и Пшемисля. «Смоленский крест» хорошо вписывался и во внешнеполитическую риторику партии Качиньского. Он подчеркивал катынскую мартирологию антироссийски настроенных братьев и их скептицизм в отношении постхристианского ЕС.

В то же время происходила мобилизация противников сохранения креста на площади. Городская молодежь, настроенная против Качиньских и епископата, организовавшись через сеть *Facebook*, в ночь с 9 на 10 августа 2011 года устроила на центральной улице Варшавы Краковском предместье многотысячный митинг с требованиями перенести крест. Участники митинга издевались над «защитниками креста» и размахивали лозунгами «Надо убрать дворец — он не дает рассмотреть крест!». Вскоре многие из участников

этого митинга проголосовали за Паликота, который обещал убрать крест из Сейма.

Только после того, как «Право и справедливость» проиграла вслед за президентскими также и парламентские выборы, активность «защитников креста» пошла на спад. В ноябре 2011 года, когда они прекратили ночные дежурства возле креста, он был перенесен в часовню президентского дворца, а затем в костел. «Смоленский крест» исполнил свою роль политического символа. Впрочем, не исключено, что при определенных обстоятельствах его еще достанут из костела и снова понесут впереди демонстрации.

Заключение

У рассмотренных нами недавно изобретенных символов можно выделить некоторые общие черты. Во-первых, их успех во многом связан с использованием потенциала исторической традиции. Это верно в случае с георгиевской ленточкой, не говоря уже о свече и кресте. Важный элемент эмоционального воздействия этих символов — апелляция к мартирологии. Сторонники символов неизменно отрицают их политический характер. При этом чем яснее прослеживается связь символа с определенной политической силой, тем более ограниченным становится его воздействие на тех, кто сторонником этой силы не является. Все рассмотренные случаи, с более (в случае с крестом) или менее (в случае с ленточкой и свечой) интенсивной динамикой, демонстрируют интенсификацию использования символа определенной политической силой, а следовательно, и подрыв его общенациональной легитимности. ■

ПРИМЕЧАНИЯ ¹ <http://www.za-lentu.ru/>

² Характеристика Голодомора как специфической формы культурной реальности, в которой понятие Голодомор становится символом и оказывается нераз-

рывно связано с понятием геноцид, принадлежит Георгию Касьянову. См.: *Касьянов Г. В. Danse macabre. Голод 1932–1933 років у політиці, масовій свідомості та історіографії (1980-ті — початок 2000-х)*. К., 2010.